

Юлия Марюхова

Нулевой меридиан

18+

Юлия Малюхова
Нулевой меридиан

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Малюхова Ю.

Нулевой меридиан / Ю. Малюхова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

2081 год — политическая система и общественные институты рухнули под натиском уличных банд, активно формирующихся в кланы. Желанная свобода обрекает общество. Клань руководят городами и существуют, руководствуясь лишь одним принципом — предательство клана карается смертью. На фоне назревающих межклановых конфликтов, на фоне расчетливости и мести встречаются Волк и Лиля, которым предстоит выбрать - разрушить «новый мир» или дать этому миру разрушить себя.

Юлия Малюхова Нулевой меридиан

«Это будущее, может наступить уже завтра,
но никто не догадывается об этом»
«Я ринусь в бой, достойный схватки.
Последний на мой век.
Живи и умирай в сей день,
Живи и умирай в сей день»

Редьярд Киплинг

* * *

Мир изменился.
Слишком стремительно.

Настолько стремительно, что поначалу все произошедшее казалось чем-то нереальным, как снег летом. Сначала рухнула система образования. Школы опустели. Воодушевленные этой победой, уличные банды стали расти в арифметической прогрессии, набирая силу и мощь, с оголтелым остервенением сбрасывая с себя одно бремя, навязанное обществом, за другим. Мы как ополоумевшие рванули к, так называемой свободе, не задумываясь ни на миг, что со скоростью света мчимся в пропасть.

Законы, созданные для блага людей, для их защиты, беспристрастия и справедливости, так умело извратили, что с течением времени они стали лишь средством наживы для власть имеющих. И в этой нездоровой почве выросли мы – новое поколение, поднявшее восстание против систем.

Один общественный институт за другим падали под нашим натиском, пока не осталось ничего кроме уличных банд. И тогда мы сцепились друг с другом. Это были самые страшные ночи на моей памяти. Бесконтрольные убийства, деление территорий, борьба за лидерство. После тех ночей мир изменился навсегда, но мы так и не поняли, к лучшему ли. Этого ли мы хотели?

Странная вещь получается... когда тебе пятнадцать, ты уверен в том, чего хочешь. Благословенный юношеский максимализм будто изнутри разогревает твою кровь, вселяет небывалую уверенность. А время идет, и уже в двадцать восемь ты не уверен ни в чем. Что лучше, что хуже не знаешь. Адреналин в крови падает до минимума, ты в небывалом раздрае и все что тебе остается – это держать маску на своем лице.

Города стали закрытыми территориями, которыми безраздельно правили уличные банды, расщелившиеся и сформировавшиеся в кланы. За пределы города никого не выпускали, а желающих войти в город и вовсе не было. Мир погряз в хаосе. Восстания как зараза распространились на соседние города. Наш город был лишь звеном в цепочке непрерывного потока, подорвавшего политическую систему и прочно устоявшийся в нашем сознании прежний мир.

Мы думали, что построим мир иной, лучший. Но анархия незнающих, вспыльчивых и воинственных лидеров не принесла нам ничего хорошего. Мы перестали ждать чего-то лучшего. Привыкли варварствовать и воевать друг с другом. Мы забыли о милосердии. Умы наши оскудели, сердца стали черствыми. Мы разучились любить... а может, все-таки не разучились и были еще способны любить?

Я остановился в центре огромного зала, поднимая голову к стеклянному куполообразному потолку. Звезды мерцали над головой. Такие же холодные и недостижимые, как и в прежние времена, теперь они освещали совсем иной мир. Наш новый мир.

Возможно, я уже опоздал и никто меня здесь больше не ждет. В записке, что я получил, было лишь два слова: «Библиотека 21:00». Никаких ориентиров больше не было. Я не знал от кого она. Или знал? Но старательно сопротивлялся собственным догадкам?

Я вздохнул. Не нужно было приходить. В подтверждение моих мыслей поток холодного воздуха вихрем пронесся по пустым, холодным коридорам здания, бывшего в прошлом библиотекой. А вместе с ним принес смутный шорох со стороны бесконечно длинного коридора справа. Я настороженно метнул взгляд в сторону. Настороженность за эти годы стала моей второй натурой. Иначе в новом мире было не выжить. Вновь порыв ветра и совсем рядом со мной раздалось жалобное шелестение сухих, выцветших страниц. Книги... они были повсюду. Одни в хорошем состоянии стояли на полках, другие в весьма плачевном виде валялись вокруг. Знания теперь мало кому были нужны. Значения имели только инстинкты. В особенности инстинкт выживания, и именно он говорил мне, что в библиотеке я нахожусь не один.

Спружинив на полусогнутых ногах, я метнулся в сторону коридора справа, стараясь ступать по мраморным плитам храма знаний как можно более бесшумно. Прошел вдоль длинных стеллажей с книгами и только в самом конце коридора перед моими глазами мелькнула изогнутая тень. Так стремительно и быстро, что могла показаться миражом. Но я не был склонен обманываться. Тень была реальной.

Она скользнула влево. Я пригнулся еще ниже и незаметно двинулся в обход, намеренно решаясь сделать крюк. Мягко и бесшумно ступая, я прошел по дуге, обходя пустующий читальный зал, и оказался в смежном коридоре. Вокруг не было ни души. Кем бы ни был назначивший мне здесь встречу, библиотеку он знал не хуже меня. Остановившись у края стеллажей, я сгруппировался, затаил дыхание, полностью превращаясь в слух, и прикрыл глаза.

Легкое движение сквозняка, стон старых дверных петель в отдалении, шуршание страниц и чей-то вздох. Движение. Быстрый промельк. Полностью отдавшись чутью, я рванул наперерез, вскакивая в следующий коридор, словно в уходящий поезд, и хватая руками тень из плоти и крови. Продолжая двигаться по инерции, я впечатал фигуру, затянутую в черное, в выступающие от стены полки с книгами, встречаясь взглядом с синими, широко распахнутыми глазами.

Воцарившаяся мертвая тишина в залах библиотеки зазвенела в моих ушах. Дыхание стало сбивчивым.

– Ты пришел, – выдохнула она, и ее дыхание с пряным акцентом окутало мое лицо.

В ответ я лишь сдавил сильнее ее руку и ребром своей ладони надавил на ее горло, запоздало осознавая, что делаю это лишь из-за того, что чувствую неожиданную слабость в ее присутствии. Она ни звука не издала, выразительно глядя на меня. Мысленно выругавшись, я опустил руки и отступил на шаг, не сводя взгляда с ее бледного лица.

– Не знал, что записка от тебя, – прошептал я, невольно бросая взгляд по сторонам, будто подспудно ожидая какого-то подвоха.

Она опустила глаза, поднимая руку и, обхватывая тонкими пальцами собственную шею, склонила голову вниз.

– А если бы знал, не пришел бы?

Ее неожиданно хриплый голос прорезал застоявшуюся тишину библиотеки, заставив меня почувствовать себя неловко. Насколько больно я сделал ей, можно было судить лишь по тому, как хрипло прозвучал ее голос. Медленно, с осторожностью выдыхая, я потянулся, касаясь пальцами ее пальцев, и тут же резко одернул руку.

– Зачем звала? – тихо спросил я и впервые за долгие годы собственный голос показался мне настолько человеческим, что сердце сжалось от интонаций, проскользнувших в нем.

Мы посмотрели друг другу в глаза, и именно тот момент стал точкой отсчета для меня. Она... мой личный нулевой меридиан...

1.

Волк

Соревнования между кланами проводились каждый год в конце августа. Летний зной в эти дни становился совсем нестерпимым, и всем нам нужна была разрядка, и не было повода лучше, чем рискнуть собственными жизнями. Абсолютная бесшабашность превратилась в бич нашего нового общества. Людям в большинстве своем, после кровавых дней становления кланов, было, по сути, все равно живут они или умирают. Одни видели в этом большой шаг вперед: истинную свободу общества, которому даже смерть не страшна. Я же считал, что в таком глубоком личном унижении общество еще не находилось никогда прежде.

Столбы пыли поднимались в мареве горячего августовского воздуха. Они маленькими смерчами закручивались под колесами мотоциклов самых разнообразных моделей. Двигатели мощно ревели под громкие крики и всплески аплодисментов тех, у кого была личная группа поддержки. Жизнь кипела внутри арены-холла, куда, насколько я помнил, в былые времена отец водил нас с братом на первый в нашей жизни футбольный матч. Теперь же футбол существовал только как дворовой вид спорта. Впрочем, футбол я так и не полюбил. И всегда предпочтение отдавал баскетболу.

– Волк!

Голос окликнул меня издали. Резко обернувшись, я увидел, как в мою сторону с ловкой подачи летит связка ключей от моего собственного мотоцикла. Я выставил руку, отклоняясь на дюйм в сторону, и поймал их в воздухе. Клим усмехнулся так, будто и не надеялся застать меня врасплох. Медленно приблизившись, он дружески хлопнул узкой ладонью по моему плечу.

– Заправил? – спросил я.

Он кивнул. Клим был моим приятелем с давних пор. Немногословный, скромный парень, которому определенно не было места в обществе таких бесшабашников, как мы. Но уважение и почет к нему пришли совершенно с другой стороны. Клим был талантливым автомехаником. Он собирал и разбирал машины, мотоциклы так, будто это были детские игрушки. А обладатель такого дара ценился в нашем обществе на вес золота. Насколько я знал, главы других кланов, договаривались с руководителем нашего клана и шли на всяческие уступки только для того, чтобы именно Клим взглянул на их машины и что нужно исправил. Мне повезло в этом, наверное, больше, чем всем остальным, потому что мы с Климом были не только членами одного клана, но и давними друзьями. Он не только знал мой Yamaha V-Max вдоль и поперек, занимаясь его ремонтом при необходимости, но и усовершенствовал его за годы нашей дружбы, насколько смог.

– Видел раньше такую птичку? – спросил у меня Клим, кивая головой куда-то вправо.

Проследившая его взгляд, я почему-то совершенно убежден был в том, что говорит он о девушке. Но он смотрел на мотоцикл в центре арены и, хоть их там было великое множество, именно этот выделялся на фоне всех остальных.

– «Урал М-72»?

Снисходительная улыбка проступила на моем лице, от чего Клим только нахмурился. Ко всему он всегда относился с чрезмерной серьезностью.

– И не нужно так скептически ухмыляться, – предупредил он. – «М-72», между прочим, с пулеметом Дегтярева на коляске дошла до Берлина.

Когда это было? Великая Отечественная война. Когда я был маленьким, она казалась далеким и чужим лично для меня событием. Несмотря на то, что страна пыталась воспитать

из нас настоящих патриотов, в полной мере все ужасы прошлого мы никогда понять не могли. Мы были детьми другого времени.

– Мм... – отрешенно протянул я, соединяя полы черной кожаной куртки, и потянул молнию вверх. – Я надеюсь это не та же самая модель, – съехидничал я.

– Очень смешно, – оскорбился Клим и тут же нахмурился, будто что-то заставило его задуматься. – Хотя... – он потер подбородок большим пальцем, оставляя на нем небольшой жирный след от машинного масла. – Таких сейчас не делают. Оппозитный мотор и коляска классической формы.

Не собираясь даже прислушиваться к его ностальгическим рассуждениям, я взял в руки шлем и одним резким движением наглухо застегнул молнию куртки.

– Сейчас вообще ничего не делают, – почти с отвращением выплюнул я и, развернувшись, зашагал к линии старта.

Правила мотогонок были просты. Люди теперь ничего не усложняли. Участников ожидал так называемый гросспидвей – гонки по длинному треку. Около тысячи метров на высоких скоростях. Линия старта лежала в арена-холле, а финиш где-то на улицах города, по которым нам предстояло гнать. Два последних года я проигрывал эти гонки. Но сегодня проигрывать был не намерен. Дело чести. Мужская гордость. Называйте, как хотите, но сегодня мне нужна была победа. Участвовать мог каждый. Независимо от пола и возраста. Вот где свобода! Да? Теперь родители не могли удержать своих детей возле себя. Все были свободны и у некоторых девятилеток у нас в клане на счету было по одному убийству. Детям теперь нельзя было мешать самовыражаться. Каралось лишь одно – неверность клану.

– Эй, постой! – вновь окликнул меня Клим, догоняя уже у линии старта.

Первая шестерка участников уже выстроилась в ряд. Я занял место во второй линии, вставил ключ зажигания и вынужденно посмотрел на приятеля.

– Увидимся у финиша, – сказал я, стараясь, чтоб в голосе звучало больше беззаботности, а не раздражения, которое я подспудно начинал испытывать.

– Волк, я серьезно, – нахмурился Клим.

– Я тоже. Проигрывать я сегодня не намерен.

– Знаю. Поэтому и пытаюсь предупредить тебя.

Он вздохнул так, будто теперь этот разговор и ему был в тягость.

– О чем? – спросил я, водружая блестящий черный мотоциклетный шлем на голову.

– О том, как может быть опасен внешний вид, – понижая голос, сказал Клим, доверительно наклоняясь ко мне. – Птичка нашпигована. Тормоза Brembo. Амортизаторы Sachs.

Я уже хотел было присвистнуть, но в шлеме это было достаточно трудно сделать.

– Да, ладно, – откликнулся я. – И все это можно купить на черном рынке?

– В смысле? Сейчас только на черном рынке что-то стоящее и можно купить.

По арене-холлу пронесся сигнал, призывающий участников к готовности.

– Хорошо. Буду знать, – буркнул я и устремил взгляд на линию старта.

Участники второй линии уже выстроились. Рядом со мной пристроился Ducati Monster, за ним Honda Gold и Suzuki сапсан с ярко-оранжевым носом. Легендарные, легкие и невероятно быстрые. Значит, решающую роль будет играть мастерство. Такой расклад меня тоже устраивал. Несмотря на то, что все мотоциклы были разными, участники гонок были, как на подбор затянуты в черную кожу. Эта деталь была непреложным правилом гонок. И имела большое значение, так как мы все были из разных кланов и ненавидели друг друга, одинаковая одежда помогала сгладить принадлежность участников, для большей честности в гонках. Хотя кому эта честность была сейчас нужна. Фарс, да и только!

Когда первая шестерка гонщиков скрылась вдаль, я вплотную подвел свой V-Max к жирной линии старта и встал на изготовку. Странно, но многочисленные мысли словно выветрились из моей головы. Стало непривычно тихо. Ни осталось ничего кроме меня и, простираю-

щейся вперед, дороги. Это и было тем, ради чего я участвовал в мотогонках. Когда я был на дороге, со мной рядом не было чувства вины, тревоги, а главное щемящего ощущения безысходности, которое не смогли вытравить из моей души даже привилегии нового общества. И я вполне отдавал себе отчет в том, что именно эти привилегии и были спонсорами моей безысходности. Замкнутый круг. Свободное общество, в котором не осталось ни грамма свободы. Нашими же усилиями.

Зазвучал сигнал. Моторы взревели и вторая шестерка рванула с места. Полотно дороги изгибалось подо мной так, будто было живым. Разметка сливалась с окружающим меня миром. И в ушах стоял только рев двигателя. Мощного, дикого, по-настоящему свободного. Свободного настолько, что я ему безгранично завидовал. Клим зря переживал, легендарный нашпигованный «Урал» стартовал вместе с третьей шестеркой. Дороги были пусты. Жители города прекрасно знали о традиционных августовских гонках, и те, кому они были не по душе, просто не высовывали носов из своих квартир и домов, предоставляя участникам возможность полностью править сегодня на дорогах.

Мы шли нос к носу – я, монстр и сапсан с ярко-оранжевым носом. Остальные наступали нам на пятки. На полпути к финишу монстр начал угрожающе то приближаться ко мне, то отдаляться, увеличивая расстояние между нами. И после очередного поворота неожиданно врезался мне в боковое крыло. Заднее колесо моего «V-Max» угрожающе вильнуло, но я лишь крепче сжал руль руками и почувствовал, как под шлемом заиграли желваки на скулах. Играть грязно тоже разрешалось. После меня монстр переключился на сапсан, но что-то очевидно пошло не так. Я только успел заметить, как монстр надвигался на сапсан, но тот ловко вильнул от него в сторону. Обескураженного водителя монстра по инерции отнесло к краю дороги, и, не встретив на пути никакого препятствия, заднее колесо соскользнуло на обочину, монстр накренился и повалился на бок. Неудачливого вредителя закрутило на пустующем тротуаре, словно куклу. У меня была ровно секунда, чтобы оглянуться назад. И ничуть не ужаснуться произошедшему.

Гонка продолжалась. И теперь я и сапсан шли нос к носу. Остальные безнадежно отстали. Сапсан уверенно стал прижимать меня к обочине. Но открыто не атаковал, так как делал это монстр. Значит, решил провоцировать, чтобы повторить уже осуществленный ранее маневр. Я не собирался вестись на столь открытые и даже наивные провокации соперника. До финиша оставалось не так уж и далеко. Стоило лишь немного потерпеть. Но то, что произошло дальше, от меня уже совсем не зависело...

При очередной провокации, мы синхронно вошли в поворот. Сапсан опасно наклонился в противоположную от меня сторону и начал крен к низу. Именно тогда его заднее колесо вклинилось между колесами моего «V-Max» и мы кубарем покатались по асфальту. Скрежет металла, искры из-под колес и угрожающее рычание двигателя, словно зверя, не достигшего своей цели, зазвучало у меня в ушах. Меня выбросило из сидения и, упав плашмя на асфальт, я с отвращением прислушался к гулкому стуку собственного шлема. Левое плечо пронзила острая, неприятная боль.

Позволив себе лишь на секунду перевести дыхание я сел и, одним движением скинув с головы шлем, огляделся. Водителя сапсана тоже, по всей видимости, выбросило из сидения. Он медленно и неуклюже поднимался на ноги, не особо успешно пытаясь обрести равновесие. Отбросив шлем в сторону, я решительно направился к незнакомцу, намереваясь набить ему рожу, раз уж в новом мире у нас вседозволенность.

– Совсем охренел! – рассерженно выкрикнул я. – Какого черта?!

Незнакомец выпрямился, вдруг обретя равновесие, и опрометью кинулся на меня. Его атака была не столько сильной, сколько неожиданной. Мы молча повалились на горячий асфальт, и только тогда я испытал смутное ощущение того, что меня просто-напросто водят

за нос. Незнакомец хоть и был быстр и ловок, но совсем не силен. Хватка резкая, но слабая, будто женская. *Женская?!*

Едва эта мысль осенила меня, как я тут же вскочил на ноги и резко потянул на себя незнакомца. Прижимая его спиной к себе и сгибом локтя удерживая его шею в захвате, я свободной рукой схватился за край его шлема и стянул его с головы брыкающегося соперника. Ворох светло-каштановых, переливающихся на солнце волос, взметнулся, словно облако, вверх и, опускаясь, тут же разметался по сторонам. Я лишь ошарашенно заморгал, когда острый локоть девчонки врезался мне меж ребер. Почувствовав ослабление моей хватки, она тут же вырвалась и резко обернулась. Наши взгляды встретились. Ее – рассерженный, и мой – обескураженный.

Темно-синие глаза на худощавом лице с высокими скулами, чуть заостренный подбородок, надменный и одновременно гневный взгляд, определенно способный не только покорять, но и убивать при желании. Это все, что я успел заметить перед тем, как нас окружили многочисленные машины, из которых как горох вывалилась, крича и улюлюкая, многочисленная публика. Клан. Клан Смерчей и клан Дьяволов, который был мне родным. К незнакомке медленно приблизился высокий мужчина с белесыми волосами, прядями спускавшимися к его плечам. Выправка, неторопливость движений и выражение превосходства в глазах выдавало в нем лидера клана. Но я и без того хорошо знал этого человека в лицо. Он носил кличку Смерч и был главой клана Смерчей. К которому, очевидно, принадлежала девушка.

– Ты берегов не попутал? Нет?

Он расплылся в тошнотворной улыбке, глядя на меня, и покровительственно опустил широкую ладонь на плечо девушки. Она выдержала его прикосновение ровно долю секунды, а затем движением плеча скинула его руку, гневно сверкнув глазами, словно двумя грозowymi тучами. Я усилием воли подавил улыбку, совершенно неуместную сейчас. И услышал за спиной не менее властный, чем у Смерча, голос родного брата.

– Сначала надо выяснить, не попутал ли их ты и твоя девчонка.

Даже не оглядываясь, я почувствовал выросшего за моей спиной брата.

– Малх! – воскликнул Смерч, будто они были закадычными друзьями, неожиданно встретившимися по какому-то прозаичному поводу. – Ты же знаешь, в этой гонке нарушить правила очень сложно потому, что их особо-то и нет.

Брат выдержал паузу. Именно паузы были его коньком. Уж я-то знал! Он умел производить неизгладимое впечатление на любого собеседника, одними лишь паузами во фразах.

– Тогда какого черта ты наезжаешь на моего брата? – с отстраненной холодной ноткой в голосе, осведомился он.

Обычно после таких слов между кланами вспыхивала драка, стремительно перерастающая в поножовщину, во имя достижения победы. Теперь же мы устали от драк и разборок. Гораздо важнее сейчас было научиться строить мосты, разговаривать, решать проблемы мирно. Иначе, мы были обречены на вымирание. Девушка с синими глазами бросила на меня пронзительный взгляд, пока длилась пауза между лидерами кланов. Я окинул ее многозначительным взглядом в ответ. Смерч нахмурился, перехватив мой взгляд на своей «девчонке» и, с задумчивым видом почесав пальцами свою щеку, выдохнул с придыханием.

– Твой брат, значит? – задумчиво повторил он, бросая косо́й взгляд на девушку. – А она, как сестра мне, хотя ею не является. И все в моем клане знают, что будет, если ее хоть кто-то пальцем тронет.

Я поспешно отвел взгляд в сторону, осознавая вдруг, что пялюсь на девчонку. Как я вообще мог быть так слеп, что не распознал в ней девушку сразу? Хрупкая, миниатюрная, среднего роста. Черные кожаные брюки отлично облегли ее стройные ноги, но черная кожаная куртка была способна ввести в заблуждение кого угодно, потому что сидела на ней мешковато и явно была ей велика. И чем дольше я смотрел на нее, тем отчетливее звучала злость в голосе Смерча, следившего за мной сквозь узкие щелочки своих глаз, точно он коршун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.